

— [Волк с собачьей душой] @ты: Поддержим корешей!

Они репетировали школьную постановку почти полмесяца - до последнего слова, до каждого взгляда, до каждого шага. Каждый вечер после уроков, пока солнце медленно гасло за горизонтом, они стояли на сцене, как будто от этого зависела их судьба. Но всё рухнуло в один миг, когда главный актёр внезапно хлебнул крови из носа прямо посреди разговора, как будто кто-то включил кран. Никто не успел среагировать. Аудитория ждала. А их не было.

Из-за этого Юй Жань чувствовал себя так, будто вляпался в лужу перед самым входом в храм. Особенно перед Е Си. Он избегал её взгляда, будто тот мог прожечь дыру в душе.

А вот Чу Мянью, напротив, был на удивление доволен.

«Наконец-то. Никаких этих уродливых костюмов с перекошенной эстетикой. Пусть весь класс горит, лишь бы мне не наряжаться в это...»

— Жаль, не успел снять, — вздохнул Юй Жань, стоя у доски. — Когда ты это надел... даже Леди Гага рядом казалась просто серой мышью.

Утро. Перемена. Большая аудитория пуста и тиха, будто вымерла. Только они вдвоём стоят у чёрной доски, где ещё пахнет мелом и вчерашними уроками. Это была кара, которую Юй Жань сам на себя наложил, взяв на себя работу Е Си по каллиграфии, чтобы хоть как-то загладить провал. А Чу Мянью, как всегда, силой втянули в это безумие.

Когда Чу Мянью закончил, он положил мел, стряхнул белую пыль с кончиков пальцев и слегка наклонил голову, глядя, как Юй Жань всё ещё кропотливо выводит узор у самого края доски.

Не просто цветы. Не просто завитки.

Морская волна.

Сложная, живая, с намёком на движение, будто вот-вот накроет всё, что перед ней.

Юй Жань стоял на стуле, закатам рукава школьной формы до локтей, взгляд его был прикован к линиям, будто они вели его куда-то. Чу Мянью молчал, не решаясь нарушить тишину. Только когда Юй Жань отступил на шаг, оценивая результат, он спросил:

— С каких пор ты рисуешь?

— Начал где-то в седьмом или восьмом классе... уже забыл. На самом деле, тогда я учился делать граффити. Ты видел стену в Ланваньской площади?

— Видел, — кивнул Чу Мянью. — Проходил мимо.

— Там робот - мой.

Чу Мянью замер. Ланваньская площадь - почти достопримечательность Ронганя. Он проходил там не раз, особенно в те годы, когда рядом проходила ярмарка домашних животных.

Но теперь оказывалось, что то, что он считал просто фоном своей жизни, было связано с человеком, с которым он сидит за одной партией.

— Тогда в следующий раз пойду специально гляну — сказал он.

— Не знаю, остался ли он. Я рисовал его несколько лет назад.

Юй Жанью снова взял мел, сломал кусок и провёл линию.

— А что думаешь про стены у парковки нашей школы?

Чу Мянью сразу понял, к чему тот клонит.

— Не рисуй в школе. Получишь по шапке.

— А где тогда?

Чу Мянью задумался.

— В другой школе.

Юй Жанью рассмеялся.

— Ох, ты и правда криминальный элемент.

После долгого общения с Юй Жанем мышление Чу Мянью постепенно съезжало с прямой дороги. Да, Цуй Хэ однажды бросил: «Ты просто снял маску», но Чу Мянью упрямо настаивал, что между ними - пропасть. Он думал перед тем, как говорить, а Юй Жанью - говорил, не думая вообще.

Когда за окном закончилась музыка зарядки, класс начал наполняться. Как всегда, Юй Жанью, вымыв руки в туалете, тут же в самый неожиданный момент вытирал их о Чу Мянью. Вода растекалась по чёрной форме, оставляя темные пятна. Когда они вдвоем вошли, все замолчали.

Именно сейчас в моду вошли пластиковые пистолеты-конфеты. У Юй Жаня в шкафу уже лежало несколько пустых оболочек. Он нетерпеливо наполнил игрушечный пистолет водой из бутылки, встал, поднял его и громко, с вызовом, заявил:

— Готовься! Сейчас оболюю тебя водой!

Весь класс замер. Даже те, кто переписывался в QQ, опустили телефоны.

Чу Мянью попытался спрятаться за тетрадь, делая вид, что сосредоточен на уравнении. Но Юй Жань тут же взвизгнул:

— Ха-ха! Смотри, как папочка оболюёт тебя прямо в лицо!

Палец резко нажал на спуск. Пластиковый механизм захрипел, застонал, будто старый лифт.

Тишина.

Гробоная.

Сзади Фан Чжао зашептал:

— Юй Жань, Юй Жань... хватит, училка уже идёт...

Юй Жань обернулся.

У двери стояла Бай Юйчжу. Лицевого было похоже на камень.

— Ты не слышал звонок?

Юй Жань мгновенно спрятал пистолет в карман и сел, надув губы.

Бай Юйчжу окинула класс взглядом:

— Сегодня в обед меняемся местами. Каждый ряд сдвигается к окну. И запомните: с понедельника каждое утро, будем меняться сразу после прихода. И ещё, перед второй зарядкой будет тренировка по действиям при землетрясениях. Быстро, чётко, без задержек. Ясно?

— Да! — рявкнул Юй Жань.

Классный руководитель тут же покачала головой и дважды ткнула пальцем в воздух, давая знак: «не выделяйся».

— Ох, — вздохнул Юй Жань, глядя на своё место. — А я теперь сижу у двери... Не центральное место для главного героя.

Он помялся, но тут же нашёл плюс:

— Эй, Чу Мянью, ты ведь в будущем откроешь для меня заднюю дверь?

Чу Мянью вытирал с лица капли воды. Услышав двусмысленную фразу, он без слов швырнул в Юй Жаня скомканную салфетку.

— А чего злишься?

Чу Мянью проигнорировал. Лег на парту и закрыл глаза.

Юй Жанью тут же начал его трясти — за руку, за плечо, за всё, что можно. Никакой реакции.

Тогда он достал шариковую ручку, подошёл к стене рядом с партой Чу Мянью и чётко написал:

сбПотом нарисовал стрелку вниз, прямо на голову спящего.

Повеселившись, Юй Жанью вздохнул.

Чёрт...

Снова.

Он пытался сконцентрироваться, расслабиться, вызвать то ощущение, что было в прошлый раз. Тепло, будто тело пронзает ток. Будто внутри загорается свет.

Но ничего.

Только пустота.

Видимо, тогда это был просто случай. А когда у него действительно проснется способность управлять ветром и огнем... никто не знал.

В сердце осталось только одно слово:

Блять.

Через месяц уже зима.

Если бы его тело могло греться, как горячая ванна, даже в ледяной ветер... Как это было бы прекрасно. Как сладко.

Днём, на большой перемене, из динамика раздался резкий сигнал.

Все вспомнили про тренировку.

Быстро отложив тетради, встали в колонны и пошли по лестнице за учителем, как положено. Ронгань стоит на Северо-Китайской равнине. Дети здесь никогда не видели настоящего землетрясения. Поэтому тревога была явной фикцией. Даже шаги их были настолько не торопливые, как будто они отправились на прогулку.

Физрук Доу шёл сзади, хмурясь:

— У вас вообще есть чувство срочности? Щас болтаете, смеётесь... Представьте, что реально затрясёт и вы все окажитесь под завалом!

И в этот момент —

сзади раздался оглушительный рёв:

— БЕГИТЕ! ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ! КТО НЕ БЕЖИТ - УМРЁТ!

Все обернулись.

Это был Юй Жань.

Он мчался вперёд, как ураган, будто за ним гналась сама земля. Волосы на лбу стояли дыбом, брови сведены, а лицо напряжено до предела.

Пролетев сквозь строй, он перепрыгнул через чью-то сумку, и первым ворвался на пустую зелёную зону.

Цуй Хэ чуть не проглотил жвачку.

— Ёб твою мать... Этот идиот серьёзно....

Фан Чжао кивнул:

— Что может быть глупее, чем относиться к этому бреду так серьезно.

Физрук Доу, напротив, улыбнулся.

— Вот так, ребята! Учитесь у Юй Жаня! Вот он настоящий дух самосохранения!

[Классический девиз жизни]: [Будь как Юй Жань - либо героем, либо идиотом. Главное, что бы тебя запомнили.]Класс громко хохотал.

Чу Мянью чувствовал, как по спине ползёт лёгкий холод, но не от стыда за себя, а за Юй Жаня. Он стоял у парты, сгорбившись, будто пытался уменьшиться и стать невилимкой. Но Юй Жань, напротив, уже стоял на площадке перед школой, раскинув руки, как триумфатор. Без тени смущения и без капли раскаяния.

Как он это делает?..

Чу Мянью не мог понять.

А потом, директор, всё ещё находясь под впечатлением от его «героического» бега, поднялся на сцену и, обращаясь ко всем, с гордостью произнёс:

— Сегодняшняя собранность и скорость реакции достойна похвалы! Особенно хочу отметить первые классы. И в первую очередь ученика Юй Жаня из 1-го «А»!

Раздались аплодисменты. Улыбки. Даже учителя кивнули с одобрением.

В классе все были в восторге.

— Ну что ж, — сказал Юй Жань, вернувшись, — приходится, братцы, нести бремя ответственности. Человек в спорткомитете - он как генерал.

Он громко хлопнул себя по волосам, будто сбрасывая с них пыль подвига. Но радость длилась недолго. Через пару секунд он почувствовал странное ощущение прохлады у себя внизу.

Он опустил глаза.

И замер.

По самой середине брюк расплывалось тёмное мокрое пятно.

— Ох, блядь... — прошептал он, и в глазах мелькнуло осознание.

Тот самый водяной пистолет, что он спрятал в карман утром, не выдержал бега. Крышка отвалилась и вода просочилась.

— Да чтоб тебя... — он лихорадочно схватил с парты несколько листов бумаги, скомкал и прижал к промокшему месту.

Он хотел выйти в коридор просушиться, но в этот момент дверь распахнулась.

Учительница китайского языка Ван уже стояла на пороге, держа в руках учебник, как оружие.

— Садитесь! Доставайте тетради для диктанта! — её голос, как всегда, прозвучал, будто автоматная очередь. — Я вчера забыла, а вы мне не напомнили? Что за безобразие! Первое слово — ниэ ши...

В средней школе Чэнцзюнь, если ты не слышал диктанта у Ван Лаоши, ты не знаешь, что такое настоящий ужас.

Она говорила так быстро, что даже самые проворные руки не успевали. Когда весь класс застонал, умоляя замедлить темп, она уже перешла к древнекитайскому, будто читала заклинание.

Юй Жань ещё искал чистый лист, а она уже выдала третье слово.

Он сдался.

Вместо письма, он снова принялся тереть брюки, опустив голову, будто молился перед алтарём собственного позора.

— Закончили! Даже если не успели - хватит писать! — скомандовала она. — Передавайте тетради с последнего ряда!

Первым поднялся Чу Мян.

Он знал, что у Ван Лаоши была отвратительная привычка, давать диктанты в любой неожиданный момент. Поэтому у него, как патроны в обойме, в тетради всегда лежали

запасные чистые листы.

Подойдя к Юй Жаню, он молча, без слов положил свой лист на парту.

Но, наклонившись, увидел, что Юй Жань сидит, опустив руки. В одной была зажата смятая салфетка, а Другой он усиленно тер промокшее место, будто пытается стереть сам факт существования пятна.

Чу Мянью резко отвёл взгляд.

Щёки слегка запылали.

— Я... соберу у остальных, — пробормотал он и быстро пошёл дальше, будто за ним гналась стая пчёл.

— Доставайте «Солнечный класс»! — скомандовала Ван Лаоши, спускаясь с кафедры. — Кто не сделал домашку? Сюэ Цзыфань, сделал? Нет, не сделал. Выходи. А ты, Юй Жань?

Юй Жань начал лихорадочно рыться в портфеле.

— Э-э... забыл.

— Тогда и ты — пошел вон. Вернёшься, когда напишешь.

Он встал, не протестуя.

В коридоре его уже ждал Сюэ Цзыфань - высокий, худой, с вечной зевотой на лице. Они столкнулись плечами, и тут же дали друг другу пять.

— Брат, сколько осталось? — спросил Юй Жань, растянувшись на подоконнике, как кот. — У меня два раздела. Хочешь списать?

— Уже сделал, — спокойно ответил Сюэ Цзыфань.

— А чего тогда выгнали?

— Не хотел идти на урок.

— О, великий, — восхитился Юй Жань. — Великий и непостижим.

Если бы у него спросили, кого он больше всего уважает в классе, он бы без колебаний указал на Сюэ Цзыфаня.

Этот парень был истинным мастером тихого саботажа.

На уроках китайского он не спорил. Он говорил. Медленно. Словно каждое слово было камнем, который он бросает в пруд учителя.

— Я... не... успел... сделать... домашнее... задание... потому что... бабушка... болела...

Учительница Ван кипела. Казалось, она вот-вот взорвётся. А он, просто смотрел на неё с таким видом, будто только что предложил ей чай.

Остальные замирали, боясь дышать.

А он - продолжал.

В жизни он был совершенно нормальным парнем, но перед Ван Лаоши вдруг превращался в живую пародию на Го Дэганя, который имитирует Ли Цзина.

— Великий, научи, — взмолился Юй Жань, устав от письма. — Не надо умения видеть будущее... просто научи видеть хвосты, как ты.

— Это не передаётся, — сказал Сюэ Цзыфань, глядя на него с высоты своего всезнания. — Нужно открыть Небесный Глаз.

— А как его открыть?

— Сначала выколи себе глаза. Потом вставь новые. Как у меня.

— Да ты издеваешься! — Юй Жань толкнул его в плечо. — Ну и чёрт с ним, с этим Небесным Глазом.

Скучая в коридоре, Юй Жань бесшумно прошёл вдоль класса и остановился у задней двери. За стеклом, в полутени, сидел Чу Мян- с прямой спиной, чуть наклонённой к партой, его профиль резко выделялся на фоне меловых записей на доске. Он внимательно слушал преподавателя, пальцы его лежали на раскрытой тетради, будто готовые в любой момент начать писать. Свет из окна ложился на его скулы, подчёркивая чёткую линию подбородка. Юй Жань постоял, наблюдая, как ресницы Чу Мян слегка дрожат при каждом моргании, как он время от времени кивает, улавливая смысл лекции.

Когда весь класс в едином ритме зашёпестел текстом, Юй Жань тихонько постучал пальцем по стеклу.

Чу Мянью сразу понял, что это он. Никто бы другой не стал так дразнить, не стал бы маячить за дверью, будто привидение. Он бросил быстрый взгляд на учителя Вана, убедился, что тот смотрит в другую сторону, и, чуть улыбнувшись, потянулся к замку. Щелчок — и дверь приоткрылась на ладонь.

— Хочу после уроков купить гуашь, — прошептал Юй Жань, прильнув к щели. — Надо нарисовать стенгазету.

Чу Мянью кивнул.

— Пойду с тобой.

Они стали обсуждать, на чём лучше поехать - на метро или автобусе. Голос Юй Жана звучал хрипло, будто с перегоревшим горлом, и Чу Мянью вспомнил, как тот орал во время учений по землетрясению, будто враги уже ворвались в школу. Он молча отвернулся, порылся в сумке и вытащив коробочку с пастилками для горла, протянул её сквозь щель.

— Что за вкус? — спросил Юй Жань, разглядывая непонятные иероглифы на упаковке. — Вкусно?

— Мята, — тихо ответил Чу Мянью. — Хороша для голоса. Особенно сейчас, когда он меняется.

Юй Жань широко, с искренним светом в глазах, улыбнулся. Забрав пастилочки, он отошёл, снова устроился на подоконнике, свесив ноги, и склонился над тетрадь, будто кот, нашедший тёплое солнечное пятно.

— Юй Жань, — вдруг произнёс Сюэ Цзыфань, не отрываясь от телефона, — хвост-то у тебя вверх торчит.

Юй Жань машинально прижал ладонь к копчику, будто боялся, что тот действительно выскочил из-под рубашки.

Наконец, прозвенел звонок. Юй Жань, с трудом закончив сочинение по литературе, сбежал из класса, едва не сбив учителя Вана в дверях. Он вернулся к задней двери, протянул пастилочки обратно.

— Оставь себе, — сказал Чу Мянью. — Мне не нужны.

— Ну и ладно, — буркнул Юй Жань и, не церемонясь, запихнул коробочку в карман куртки.

Они пошли к метро. Воздух уже остыл, небо потемнело, и в витринах магазинов зажглись огни. До Академии изящных искусств в Жунгане было не так далеко, но магазины там продавали лучшую гуашь — яркую, густую, с хорошей пигментацией. Ту самую, что нужна для школьной стенгазеты.

В метро было пиково — плотно, душно, с гулом в ушах. Люди висели на поручнях, как гроздь. Юй Жань и Чу Мянью стояли рядом, держась за одну и ту же штангу. Через несколько остановок Юй Жань устал, пальцы разжались, и он, не раздумывая, опустил на плечо Чу Мянью.

— Хочу сесть, — прошептал он, оглядывая ряды пассажиров. — Думаешь, кто встанет на следующей? Я ставлю на ту девушку с длинными волосами.

Чу Мянью бросил взгляд. Девушка как раз надевала наушники.

— Она только что их включила, — тихо сказал он. — Значит, следующую остановку она точно не услышит. Не встанет.

— А тот с чемоданом?

— Слишком расслабленно сидит. Если бы собирался выходить, уже бы встал, приготовился.

Юй Жань задумался. Чу Мянью был прав, его логика была железной.

— Тогда та в красной куртке, — сказал Чу Мянью. — Видишь, как она смотрит на табло? Она следит за названием станций. Выходить будет слева. Ты встань справа от неё и сядешь первым.

— Понял, — кивнул Юй Жань и, протиснувшись сквозь толпу, встал прямо за спиной у женщины в красной куртке. Напрягшись, как перед стартом.

Зазвенел сигнал. Двери начали открываться. Женщина слегка двинула бёдрами и Юй Жань, не раздумывая, рухнул вниз.

Прямо на колени.

— Э? — он обернулся — и встретился с парой широко раскрытых глаз.

— Молодой человек, — сказала женщина, слегка ошеломлённо, — а вы не видите, что здесь уже кто-то сидит?

— Ой! Простите! — Юй Жань вскочил, как ужаленный, лицо вспыхнуло. Он обернулся и увидел, как Чу Мянью медленно, очень незаметно, просачивается вглубь вагона, стараясь

оказаться как можно дальше.

— Блядь, — пробормотал Юй Жань. И, ринувшись вперёд, схватил его за лямку рюкзака. — Ты меня подставил, сука!

— Я не умею читать мысли, — спокойно ответил Чу Мянью, не глядя на него. — Кто виноват, что ты ленивый? Ещё несколько станций и ты уже хочешь присесть? Обычный человек, вот ты кто. Магл.

Юй Жань хотел закричать, но сдержался, ведь метро не место для скандалов. Вместо этого он обвил рукой руку Чу Мянью и сильно сжал пальцы, впиваясь ногтями в кожу.

Когда они вышли на улицу, уже стемнело. Город дышал огнями, фонари роняли жёлтые пятна на мокрый асфальт.

— А что это за слово — «магл»? — спросил Юй Жань, цепляясь за рукав Чу Мянью. — Почему ты всё время так называешь? Это ругательство?

— А ты сам не можешь в Байду вбить? — бросил Чу Мянью, не оборачиваясь.

— Точно, — хлопнул себя по лбу Юй Жань. Он достал телефон, быстро набрал слово — и через секунду замер.

«Магл — обычный человек без магических способностей. Термин из вселенной „Гарри Поттера“».

Он медленно опустил телефон. Остановился посреди тротуара. Посмотрел на Чу Мянью — снизу вверх, с выражением, в котором читалась и растерянность, и внезапное прозрение.

— Ты называешь меня маглом... — медленно произнёс он. — Значит, ты считаешь, что я...

— ...что я могу колдовать? — перебил Чу Мянью, с сарказмом в голосе.

Юй Жань не ответил. Он просто смотрел. Потом тихо, почти ласково улыбнулся.

— Я знал, — сказал он. — Я знал с самого начала. Это ты тогда... Это ты пробудил меня.

Чу Мянью отвёл взгляд.

— Не я. Твоё «пробуждение» - не моё дело. Не впутывай меня.

— Это ты, — твёрдо сказал Юй Жань, делая шаг вперёд. — Я чувствую. Когда смотрю на тебя, то мне теплее. Рядом с тобой все иначе, ни как с другими! Совсем по-другому.

Он замолчал. Ветер качнул фонарь. Где-то вдали проехала машина. А между ними повисла густая, как туман, и полная невысказанных слов, тишина.

<http://bllate.org/book/15486/1373226>